

По плану троица должна была сначала перекусить, а уже потом отправиться в концертный зал. Однако Гу Цин решил иначе. Выкроив время в плотном рабочем графике, он потратил его на то, чтобы привести себя в безупречный вид.

Как говорится, встречаются по одежке. А уж когда идёшь на randevу с соперником... вернее, с тем, кто явно положил глаз на твоего законного супруга, — тут уж точно нельзя ударить в грязь лицом. Нужно не просто не спасовать, а задавить авторитетом. Внешний лоск — это уже половина победы.

Когда сотрудники проводили его в комнату отдыха, Гу Цин застал Мэй Цзибая и Ян Фаня за столом. И как бы ему ни хотелось это отрицать, пришлось признать: чисто внешне и по стати эти двое удивительно подходили друг другу.

Настроение мгновенно испортилось.

Гу Цин негромко фыркнул и, проигнорировав вопросительные взгляды, уверенно подошёл к Мэй Цзибаю. Наклонившись, он с привычной непринуждённостью коснулся своей щекой его щеки, и лишь после этого отстранился, чтобы сесть. Глядя на мягко улыбающегося Ян Фаня, он произнёс:

— Прошу прощения за опоздание. В компании возникли срочные дела, пришлось задержаться.

Ян Фань продолжал улыбаться всё так же кротко и доброжелательно:

— Ничего страшного, всё понимаю. Мы с Цзибаем старые друзья. Ваша свадьба была скромной, и я всё думал — надо бы встретиться, поздравить... Но закрутился с подготовкой к концерту. И вот, наконец, увиделись. Знаете, президент Гу, вы очень изменились.

Гу Цин закинул ногу на ногу и слегка откинулся в сторону Мэй Цзибая, опершись на подлокотник его кресла.

— Люди меняются, и я не исключение, — парировал он.

С этими словами он небрежно взял чашку кофе, стоявшую перед Мэй Цзибаем, и сделал глоток. Внутри всё так и подмывало поморщиться — он ещё по запаху понял, что это горький чёрный кофе без капли сахара, но сдержался.

Не ставя чашку на стол, Гу Цин сунул её прямо в руки супругу.

— Гадость редкостная, как ты это пьёшь? Лучше бы чаю заварил.

Мэй Цзибай издал тихий смешок, в котором слышалась легкая досада.

— Смотри, сам сказал. Я попросил тётушку Лю заварить успокаивающий отвар. После концерта, когда вернёмся, не пойдёшь спать, пока всё не выпьешь.

Гу Цин замер. «Успокаивающий отвар»? Звучало как нечто совершенно тошнотворное.

Однако, заметив, как наконец дрогнула маска безмятежности на лице Ян Фаня, он мгновенно приободрился.

В те времена, когда он был ещё «Юй Цзиньнянем», Ян Фань за глаза не раз шпинял его, вскользь или прямо давая понять, что тот не пара Мэй Цзибаю. Мол, вы люди из разных миров, расторгни помолвку, не позорься. А когда он начал сближаться с Цзибаем, речи скрипача стали и вовсе ядовитыми.

Впрочем, доля истины в его словах была — Гу Цин сам это признавал. В конце концов, он использовал Мэй Цзибая в своих целях. А тот... тот просто коротал с ним время. Чистый расчёт, ничего личного.

Но слова Мэй Сяотун эхом отозвались в его сознании. Что-то внутри подсказывало: всё было не так просто. Возможно, в глубине души он на что-то надеялся? Сложно сказать.

Гу Цин встряхнул головой, отгоняя лишние мысли. Сегодня Ян Фань пригласил их на этот концерт явно с дурными намерениями. Разве прежний «Гу Цин» любил классику? Да он скорее бы на рок-концерт пошёл. Он тоже не был фанатом симфоний, но готов был терпеть. Ян Фань хочет показать, что они с Мэй Цзибаем не пара? Что ж, пусть посмотрит, чьи это теперь законные права.

Разведёмся мы потом или нет — дело десятое, но сейчас Мэй Цзибай — мой муж, и на публике он подыгрывает мне безупречно.

Глядя на то, как Мэй Цзибай спокойно отпил из той же чашки, которую только что держал Гу Цин, Ян Фань не смог скрыть изумления. Он вновь посмотрел на «президента Гу» куда более пристально и настороженно.

Мэй Цзибай никогда не пользовался вещами, к которым прикасались другие. Тем более — не пил из чужой посуды. Гу Цин вёл себя развязно и бесцеремонно... но почему-то всегда такой разборчивый и брезгливый президент Мэй охотно ему потакал.

Ян Фань быстро взял себя в руки:

— Мой сольный концерт состоится через месяц. Буду рад видеть вас обоих, я забронирую для вас лучшие места.

Гу Цин промолчал. Идти туда не было ни малейшего желания. Но когда он услышал, как Мэй

Цзибай уклончиво ответил: «Посмотрим по графику», — он непроизвольно улыбнулся. В переводе с дипломатического это означало вежливый отказ.

Оставшееся время до начала концерта они обсуждали музыку. Мэй Цзибай старался вовлекать супруга в беседу, чтобы тот не чувствовал себя лишним, но Гу Цин явно скучал. В итоге он просто достал телефон, делая вид, что переписывается с помощником, и полностью абстрагировался от их диалога.

Украдкой он наблюдал за Ян Фанем. За два года тот почти не изменился — всё такой же утончённый, мягкий, лишенный видимой агрессии. Он умел мастерски ловить чужое настроение и подбирать нужные слова. В такого трудно было не влюбиться.

«Надо же, — подумал Гу Цин, — перед Мэй Цзибаем он прячет всё своё высокомерие. Идеальная пара. Оба смотрят на мир свысока».

Из раздумий его вывел тихий голос Мэй Цзибая, который попросил его перестать дрыгать ногой. Гу Цин послушно замер. Раз муж держит лицо ради него, он тоже должен соблюдать приличия.

Однако, оказавшись в зале, Гу Цин понял: разговор в гримёрке был лишь прелюдией. Весь вечер его клонило в сон. Классические симфонии не вызвали в нём никакого отклика. Он не заснул лишь потому, что внимательно следил за парой рядом.

Мэй Цзибай сидел посередине. Он искоса поглядывал на Гу Цина, который изо всех сил старался не сомкнуть глаз. Этот сонный, но упрямый вид показался ему на удивление милым, и президент Мэй едва заметно улыбнулся. Прежний Гу Цин никогда бы не согласился на такое испытание скукой.

Ян Фань в этот вечер тоже слушал не музыку. Большая часть его внимания была прикована к спутникам. В полумраке зала он медленно сжал кулаки. Похоже, этот новый Гу Цин... куда опаснее и сложнее Юй Цзиньяня. С его семьёй и влиянием нельзя не считаться.

После концерта Гу Цин первым делом зашёл в уборную, чтобы плеснуть в лицо холодной воды и окончательно прийти в себя. Выйдя в холл, он увидел ждущих его Мэй Цзибая и Ян Фаня.

«Что такое "подходить друг другу"? Да вот же они, живой пример», — едко подумал он.

Когда Ян Фань уехал, Гу Цин скрестил руки на груди и бросил на мужа колючий взгляд:

— Терпеть не могу такие мероприятия. Сегодня я пришёл только потому, что это было первое приглашение после свадьбы. Больше меня не зови.

Они вместе направились к машине. Мэй Цзибай спросил:

— Тебя задевает, что я общаюсь с ним наедине?

Гу Цин безразлично хмыкнул:

— С чего бы? У нас просто деловой союз. Я же не слепой, вижу, как он на тебя смотрит. Господин Мэй, ты ведь твердишь на каждом шагу, как любил Юй Цзиньняня. Тогда что это за Ян Фань? Или тебе вообще всё равно? Один для развлечения, другой — для души?

Остановившись у машины, Мэй Цзибай знаком попросил Сюэ Минтао подождать, а сам повернулся к супругу:

— Мы с Ян Фанем познакомились через одного пианиста. У нас были совместные выступления, мы просто приятели со схожими интересами. Не более того.

— «Не более того»? Он-то явно думает иначе!

Поняв, что голос сорвался на высокую ноту, Гу Цин поспешно взял себя в руки. Он решил идти до конца, прощупать почву:

— А по-моему, вы — идеальная пара. Куда лучше, чем ты с Юй Цзиньнянем или со мной. Посуди сам: ты с детства за роялем, хоть и не профи, но играешь достойно. Он — скрипач с мировым именем, собрал все мыслимые награды. Глава великого клана и примадонна сцены. Общие темы, взаимное восхищение... Разве это не предел мечтаний?

— Уверен, если вы сойдётесь, все только вздохнут с облегчением. Никто больше не скажет, что у президента Мэй дурной вкус, раз он связался с этим выскочкой Юй Цзиньнянем или согласился на брак с таким гулякой, как я.

Мэй Цзибай, до этого спокойный, мгновенно помрачнел.

— Я уже говорил тебе: я люблю его.

— Гу Цин, не смей больше говорить о нём в таком тоне. Даже если моё мнение о тебе изменилось и мы начали ладить, это не даёт тебе права раз за разом оскорблять его память.

— Я просто называю вещи своими именами. Спроси свою мать, — Гу Цин с вызовом смотрел ему прямо в глаза, — или любого из своего окружения. Тебе каждый подтвердит: я тебе не ровня. И, — он сделал паузу, выделяя каждое слово, — Юй Цзиньнянь тоже не был тебе ровней.

Холодный ночной ветер пробирал до костей. На площади почти не осталось людей, и слова Гу Цина, казалось, звенели в морозном воздухе, становясь ещё острее.

Заметив, как помрачнел Мэй Цзибай, Гу Цин коротко рассмеялся:

— Что, попал в точку? С твоим-то характером ты никак не мог полюбить такого, как он. Тебе нужны такие, как Ян Фань — породистые, из хороших семей, мягкие и удобные. Ты вытащил Юй Цзиньняня исполнять этот дурацкий уговор о помолвке только потому, что дед настоял. А все ваши дальнейшие отношения... Тебе просто было скучно, и ты сделал его своим развлечением.

Атмосфера между ними накалилась до предела. Но Гу Цин не жалел ни о чём. Ему нужно было доказательство. Одно-единственное доказательство того, что Мэй Цзибай никогда не любил Юй Цзиньняня.

В детстве они были дружны. Он обожал своего «брата Цзибая», ходил за ним хвостиком. Тогда их семьи и договорились о браке. Но Мэй Цзибай любил того маленького, послушного мальчика, живую куклу. А не того человека, которым он стал — колючего, со сломанной судьбой.

Дед настоял — Мэй Цзибай подчинился. Вот и вся любовь.

Мэй Цзибай резко шагнул вперёд, прижав Гу Цина плечом к машине. Он склонился к самому его лицу и прошипел:

— Я не обязан перед тобой отчитываться. И у тебя нет никакого права поминать Юй Цзиньняня. Твои домыслы ничего не значат. Не думай, что моя терпимость безгранична. Ещё раз позволишь себе подобное — пеняй на себя.

Гу Цин, опешив от неожиданной вспышки ярости в глазах мужа, на секунду замер, но тут же пришёл в себя:

— Думаешь, меня можно запугать? Любовь — это не то, во что можно играть. Если тебе так дорог твой скрипач, давай завтра же оформим развод. Чего тянуть?

— Ты вообще слышишь, что я тебе говорю?

— Я...

— Повторяю в последний раз: я люблю Юй Цзиньняня. И никого другого в моей жизни не будет. Он — та черта, которую тебе переступать не позволено. Если продолжишь провокации, я забуду о вежливости.

Мэй Цзибай впервые перебил его. Гу Цин, видя, как тот по-настоящему взбешён, внезапно рассмеялся:

— Ну да, изображать великую скорбь — это так благородно. Какой смысл притворяться?

Если бы он действительно любил Юй Цзиньняня, почему не сказал об этом, пока тот был жив? Гу Цин не чувствовал никакой любви. Мэй Сяотун может говорить что угодно, но сам он, будучи в той шкуре, не ощущал ни капли тепла.

Хотя... может, он просто был слишком занят своей мезтью?

Впрочем, неважно. Он не любил Мэй Цзибая тогда и не собирался открываться ему сейчас.

Мэй Цзибай молчал. Гу Цин, поморщившись от боли в плече, оттолкнул его руку:

— Ладно-ладно, больше не буду его трогать! Давай так: добавим в наш договор пункт. Как только кто-то из нас встретит того, кого действительно полюбит — разводимся без лишних слов. Идёт?

Мэй Цзибай медленно отступил. Он смотрел на Гу Цина, который уже запрыгнул в салон, и прикрыл глаза, пытаясь совладать с собой.

За два года никто не осмеливался так говорить о покойном Юй Цзиньняне в его присутствии. Гу Цин был первым. Он мог бы заставить его замолчать силой, мог бы проучить... но безумная, тайная догадка, засевшая в мозгу, заставляла его быть осторожным.

Он понимал, насколько эта мысль абсурдна. Но только она объясняла всё, что происходило сейчас.

Пока он не убедится окончательно, он не причинит «ему» вреда.

Но и позволять Гу Цину так нагло топтать память о прошлом он тоже не собирался. Ему нужны были новые доказательства.

Всю дорогу до дома они молчали. Стоило им войти в холл, как Гу Цин, не глядя по сторонам, взлетел по лестнице к себе. Лю Синь, державшая в руках поднос с отваром, даже не успела ничего сказать. Она растерянно посмотрела на вошедшего следом Мэй Цзибая:

— Что случилось с молодым господином Гу? Вы что, опять...

Лю Синь была старым преданным сотрудником семьи Мэй, поэтому её вопрос не показался Цзибаю неуместным. Он взял у неё чашу из белого фарфора:

— У него характер переменчивый. Повздорили немного, не волнуйтесь. Давайте чай мне, и,

если не трудно, приготовьте что-нибудь перекусить.

Он подошёл к комнате Гу Цина и коротко постучал. Ответом ему был глухой удар чего-то тяжёлого о дверь с той стороны.

Мэй Цзибай помедлил секунду, а затем просто толкнул дверь. Он посмотрел на валяющийся на полу будильник. Посмотрев на Гу Цина, который сидел на краю кровати, едва сдерживая гнев, президент Мэй произнёс низким, властным голосом:

— Тебе это подарили. Если вещь не нравится — убери её с глаз долой. Швырять предметы, чтобы показать свой характер, не обязательно.

— Подними его.

<http://bllate.org/book/17544/1710751>